

Светлана Фокина

Идентификация авторства в сетературе.

К вопросу о диалоге дискурсов

в рамках лирического текста

Развитие сетературы привлекательно для исследования не только как яркий показатель современной культуры, но и в связи с проблемами зарождения нового вида литературной мистификации и соответственно необходимостью определения авторства текстов. Проблема мистификаций на сегодняшнем этапе литературного процесса получает новый виток в связи с развитием информационных технологий и явного влияния Интернет-пространства на сознание человека. Как справедливо отмечено в ряде статей научного сборника с показательным названием *Влияние Интернета на сознание и структуру знания* и наиболее точно обозначено в исследовании И.Ю. Алексеевой, «глобальная сеть Интернет-символ рубежа XX и XXI столетий»¹. Действительно, Web-сеть – фактор модифицирующий прежние культурные модели коммуникации, познания, самоопределения. В данном плане привлекает внимание утверждение О.В. Новожиной касательно того, что Всемирная паутина как «способ хранения и передачи информации входит в структуру современной культуры в качестве важнейшего ее элемента»². Сопричастность человечества киберкультуре в той или иной степени несомненна, что ставит данный феномен в один ряд с доминантным и эпистемами конца XX – начала XXI века.

Интернет-пространство, отличаясь принципиальной общедоступностью, неизменно воздействует на пользователя, «подчиняющегося логике сети, которая не только удовлетворяет имеющиеся у него информационные потребности, интересы, вкусы, но и формирует их»³. Особую остроту для современной культуры приобретает погруженность человеческого сознания в online среду. Взаимодействие с интерактивными технологиями претерпевают также литературные поиски и эксперименты. Интернет часто становится платформой как для определения начинающим художником слова писательского статуса, так и может способствовать популяризации творчества и за-

¹ И.Ю. Алексеева, *Интернет и проблема субъекта*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 24.

² О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 199.

³ И.Ю. Алексеева, *Интернет и проблема субъекта...*, с. 27.

воевания более широкой аудитории актуальными современными авторами. Подобная ситуация касается общедоступности и включенности в киберкультуру классики.

Web-универсум по своей природе способствует не только виртуализации современной реальности, но и манипуляциям с сознанием пользователей, а также созданию разнообразных мистификаций. Новый вид литературной мистификации, осуществляемой непосредственно в Интернет-пространстве, по сути, порожденный спецификой Всемирной паутины, представляет интерес для научного изучения. По наблюдению О.В. Новожиной, «человек в Сети изначально анонимен, в чатах же эта анонимность культивируется – подавляющее большинство посетителей используют „ники“...»⁴, что позволяет дистанцироваться «от своего реального „Я“»⁵. Такая игровая позиция, соответствующая своеобразным правилам Сети, роднит выбор пользовательского псевдонима – «ника» со стратегиями, присущими литературным мистификациям.

В *Литературной энциклопедии терминов и понятий* под редакцией А.Н. Николюкина литературная мистификация определяется как «текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному»⁶. Для мистификатора временное приписывание своих произведений личности «другого» становится «удобной формой как для эксперимента в области стиля, так и для наследования стилевой традиции»⁷. Аналогичные семиотические механизмы можно проследить при выборе Интернет-пользователем «ника», отражающего «внутренний психологический настрой, [...] его представление о мире и себе, выраженное в краткой формуле»⁸. Таким образом, включение любого человека в Интернет-пространство с принятием его игрового поведенческого кодекса в определенной степени подобно семиотике мистификации.

Актуальность эстетической роли различных мистификаций стимулируется в определенные культурные эпохи: барокко, романтизм, модернизм, постмодернизм с «присущим этим эпохам ощущением мира как языкового творчества»⁹. С точки зрения Марии Галимской, исследовавшей феномен Черубины де Габриак, «создание мистификации каким-то образом всегда связано с взглядами определенного времени»¹⁰. Более того, польская исследовательница уверена, что «каждая мистификация, раскрытая или нет, несомненно представляет собой научную ценность [...] как литературное достояние эпохи»¹¹. В данном контексте весьма приоритетным представляется изучение

⁴ О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность...*, с. 206.

⁵ Там же, с. 207.

⁶ И.Л. Попова, *Мистификация литературная*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 2001, с. 553.

⁷ Там же, с. 553.

⁸ О.В. Новожинова, *Интернет как новая реальность...*, с. 208.

⁹ И.Л. Попова, *Мистификация литературная...*, с. 555.

¹⁰ М. Галимска, *Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак)*, „Polilog. Studia Neofilologiczne“ 2013, nr 3, с. 74.

¹¹ Там же, с. 74.

современных литературных мистификаций, осуществленных в рамках сетевой культуры средствами Web-сети.

Интернет обладает весьма широким спектром возможностей для осуществления самых разнообразных авторских стратегий, а также мистификаций. Практически любой человек может создать свой сайт, участвовать в самых разных чатах и уже существующих информационных ресурсах. В рамках соцсетей публикуются тексты под именем автора, под псевдонимом или же приписываются другому лицу, связанному с литературным миром. Но для удачной мистификации в текстах, выложенных во Всемирной паутине, должны быть проявлены коды стилизации, скрытые или же модифицированные цитаты и другие приметы диалога с автором, избранным в качестве своеобразной литературной маски мистификатора.

Как известно, цитата представляется минимальным проявлением «чужого слова» и своего рода осколком ее породившего авторского сознания в новом произведении, созданном другим художником. По замечанию французской исследовательницы Н. Пьеге-Гро, «цитату с полным правом можно назвать эмблематической формой интертекстуальности, поскольку она позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой»¹². Но цитата проявляется в тексте не всегда идентично своему изначальному звучанию и может претерпевать трансформации и переосмысления. Использование конкретной авторской эмблематики и элементов чужой художественной идеологии также соотносимо с фактором цитации. В вышеописанном качестве цитата сближается с аллюзией – косвенной отсылкой «к литературным текстам, которая особым образом заставляет работать память читателя»¹³. Литературоведческая мысль, определяя особый характер такого рода цитации, выработала понятие «забытая цитата». По слову З. Минц, развивающей идеи Р. Тименчика, «забытая цитата» – информативный поэтический феномен довольно редкий и «отличающийся крайней нестабильностью, зыбкостью и потому трудно описываемый»¹⁴. Более того, «забытая цитата» неизменно активизирует игровые стратегии, вне зависимости от ее сознательного или же невольного искажения, «ее художественная „игра“ продолжается и после узнавания в ней „чужого слова“ – необходимо почувствовать особенность этого слова; необходимо равно ощутить и „цитатность“, и „забытость“ его»¹⁵. Разгадывание подобных «забытых цитат» становится ключом к пониманию своеобразия диалога между двумя поэтами. Ведь «чужое слово» неизменно вносит коды сознания той личности, которой в акте литературной мистификации приписывается авторство произведения, выложенного в Web-сети.

При исследовании смыслопорождающего потенциала как сетевой культуры, так нового вида литературной мистификации особенно интересны для определения подлинного авторства именно лирические тексты, известные благодаря деятельности многочисленных сайтов и соцсетей. В данном плане

¹² Н. Пьеге-Гро, *Введение в теорию интертекстуальности*, пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова, Москва 2008, с. 84.

¹³ Там же, с. 92.

¹⁴ З.Г. Минц, *«Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма*, [В:] *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 327.

¹⁵ Там же, с. 327.

показательно, что on-line среда подходит для осуществления мистификаций особенно в случае включения цитат в ткань произведения как возможность диалога между двумя поэтами. Более того, механизм выяснение того, кто именно является автором анализируемого поэтического текста, способствует осмыслению факторов, благоприятствующим удаче литературной мистификации.

К такому виду мистификаций в сетературе можно отнести «павичевское» стихотворение *Есть люди с особо чувствительной кожей...*

Есть люди с особо чувствительной кожей –
их лучше не трогать. Они не похожи
на всех остальных. Они носят перчатки,
скрывая на коже следы-отпечатки
лилового цвета от чьих-нибудь пальцев,
бесцеремонных в иной ситуации.
Они опасаются солнца в зените.
Обычно, надев толстый вязаный свитер,
выходят из дома по лунной дорожке
пройтись; и не любят, когда понарошку,
когда просто так, не всерьез, не надолго.
Болезненно чувствуют взгляды-иголки
и крошево слов. Они прячут обиду
в глубины глубин, но по внешнему виду
спокойны они, как застывшая глина,
лишь губы поджаты и паузы длинные.
Они уязвимы, они интересны;
и будьте чутки и внимательны, если
вы их приручили: они не похожи
на всех остальных – они чувствуют кожей.

Долгое время Интернет неизменно приписывал выше процитированный текст Милораду Павичу, который действительно начал свою карьеру в качестве художника слова с издания нескольких поэтических сборников. Но разговор о стихотворении Милорада Павича *Есть люди с особо чувствительной кожей...* следует начать с того, что необходимо подчеркнуть – автор этого произведения не М. Павич. Вернее, М. Павич автор образа-метафоры «чувствительная кожа», породившего развернутую лирическую интерпретацию Елены Рыжовой. Но, пожалуй, известность в on-line пространстве стихотворению принесла эта невольная ошибка, или же запланированная мистификация. История вышла в духе творчества самого М. Павича, укрепив этим фактом диалог между двумя поэтами. Кроме того, не будь стихотворение приписано выдающемуся сербскому писателю, возможно, оно привлекло бы к себе меньше внимания и читательского интереса. Диалог с М. Павичем и его творчеством позволил Е. Рыжовой преодолеть доминирование женского дискурса, присутствующего ее лирическому письму, и приблизиться одновременно к необарочной и постмодернистской метафоричности слова М. Павича, оставаясь при этом верной себе как поэту и человеку в своем взгляде на мир.

Укорененность в павическую художественную систему, связанную с образом кожи, оказалась настолько сильна, что с помощью Интернет-ресурсов стало возможным осуществить новую разновидность литературной мистификации, приписать не отдельные цитаты и аллюзии, а все стихотворение М. Павичу. По-видимому, вне этой глубинной интертекстуальной преемственности, носящей как бессознательный, так, скорее всего, осознанный и даже принципиальный характер, удача Интернет-мистификации не была бы столь полной и читатели-пользователи могли изначально усомниться в приписываемом авторстве.

На официальном сайте М. Павича, показательно названного khazars.com¹⁶, в списке, включающем все произведения писателя и даже его научные труды, указаны две книги стихов: *Палимпсесты* 1967 года (*Палимпсести, песме.* – Нолит, Београд 1967) и *Лунный камень* 1971 года (*Месечев камен, песме.* – Нолит, Београд 1971). Стихотворение же *Есть люди с особо чувствительной кожей...*, столь длительный период активно Web-средствами соотносимое с павичевским творчеством, опубликовано под именем Е. Рыжовой в читальном зале электронного информационно-справочного портала library.ru – проекта, патронируемого Российской государственной библиотекой для молодежи¹⁷. Кстати, этот же портал печатает и произведения самого М. Павича, в частности *Хазарский словарь* и пьесы *Стеклянная улитка*, *Кровать для троих*, а также статьи филолога-слависта, переводчика наследия М. Павича на русский язык – Ларисы Савельевой. Таким образом, ошибочная атрибуция авторства Е. Рыжовой невозможна. Сотрудничество Л. Савельевой с вышеуказанным сайтом своего рода гарантия авторской идентичности павичевских произведений и не нарушение его писательских прав.

В «павичевском» стихотворении Е. Рыжовой доминантный образ «людей с особо чувствительной кожей» способствует диалогу с метафорами и притчами сербского писателя.

Кожа один из важных образов-метафор в творчестве М. Павича, а акцентирование ее чувствительности на уровне сюжета обретает параболличность притчи. Так в *Хазарском словаре* (1984)¹⁸ кожа фигурирует 15 раз. Центральной метафорой павичевского романа-лексикона становится образ человеческой кожи, покрытой письменами – «...на коже написанные буквы, которые потом можно было читать». В романе *Пейзаж, нарисованный чаем* (1988)¹⁹ прямое упоминание кожи повторяется 9 раз, а также косвенно, обозначая различные кожаные предметы. Причем, как правило, в вышеуказанном романе речь именно о тонкой коже: «От своего родного отца Витача унаследовала одну только «тонкую кожу», такую прозрачную, что через нее, казалось, зубы просвечивали». Так в романе-кроссворде доминирует метафора кожи – покровы потаенного человеческого мира, соотносимого как с физиологией,

¹⁶ *Официальный сербский сайт Милорада Павича*, [Электронный ресурс], <http://khazars.com>.

¹⁷ Е. Рыжова, *Есть люди с особо чувствительной кожей...* [Электронный ресурс], http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38.

¹⁸ М. Павич, *Хазарский словарь: роман лексикон*, пер. с серб. Л. Савельева, Санкт-Петербург 2013.

¹⁹ М. Павич, *Пейзаж, нарисованный чаем: роман кроссворд*, пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкая, Санкт-Петербург 2010.

так и с движениями души: «Монах на минуту примолк, и кожа у него на лбу задрожала, словно отгоняя мух. По сути же, он отгонял от себя мысли». Кожа также встречается и в более ранних произведениях М. Павича – в сборниках рассказов *Кони святого Марка* (1976), *Русская борзая* (1979). Характерно, что интерес сербского писателя к символике «чувствительной кожи» проявился в период его творчества, фокусирующийся на второй половине 1970-х и еще в большей мере акцентирован в 1980-е годы. Позже подобная тема и соответствующая эмблематика в павичевских текстах практически не встречается, исключением становится рассказ *Кесарево сечение*.

Следует разобраться в метафорической и символической подоплеке образа кожи для М. Павича, унаследованного стихотворением Е. Рыжовой. При этом надо учесть явный интерес М. Павича к кабалистике, различным мистическим учениям и другим культурным кодам того же порядка, что было отмечено как исследователями-павичеводами, так и проницательными читателями. В данной связи вспоминаются слова из интервью профессора факультета журналистики МГУ Натальи Микеладзе. Упомянутое интервью было посвящено осмыслению феномена М. Павича и его места в современном литературном и культурном процессах. Н. Микеладзе отмечает: «Исходя из его [М. Павича – С.Ф.] текстов, могу сказать, что он человек, в разное время явно увлекавшийся эзотерическим знанием: герметизмом, Каббалой, магией. Насколько серьезно, не берусь судить, но пишет он, в конечном счете, о любви и о слове»²⁰. Действительно, несомненен интерес сербского писателя к кабалистике, смысловой составляющей различных колдовских практик и иных тайных знаний, а главное – включение их в игровом плане в его художественный дискурс и мир.

Специфика символического потенциала павичевского образа кожи в контексте влияния магических традиций, подтверждается при обращении к сведениям из монографий, посвященных культурологическому и семиотическому изучению Каббалы, герметизма, алхимии, шаманизма. После тщательного отбора такого рода работ выбор был остановлен на исследованиях Мэнли П. Холл и Мирча Элиаде, которые среди прочих аспектов были сосредоточены также на изучении важности человеческой кожи для различных эзотерических практик.

Оба ученые в связи с заявленной проблематикой подчеркивают несомненную актуальность мифологемы неба, сотворенного из кожи. Согласно М.П. Холл, «кожа символизирует небесный свод, простирающийся повсюду и укрывающий все подобно накидке»²¹. Изложенные в научных трудах М.П. Холла наблюдения, соотносят кожу со значением покрова человеческого духа и тайных знаний. В соответствии с этим «тонкость кожи» становится индикатором способности к духовному и тайновидческому прозрению. По сведениям, приводимым М. Элиаде, в шаманических обрядах кожа проходящего инициацию до такой степени «тонкая и прозрачная [...] чувствительна, что к ней нельзя прикоснуться, чтобы не вызвать боль»²². Тонкость и чувстви-

²⁰ Н. Микеладзе, *Пейзаж, нарисованный Павичем*, [Электронный ресурс], <http://archive.taday.ru/text/224527.html>.

²¹ М.П. Холл, *Оккультная анатомия. Человек – великий символ Мистерий*, пер с англ. Л. А. Маклаковой и А.П. Исаевой, Москва 2002, с. 44.

²² М. Элиаде, *Шаманизм: архаические техники экстаза*, пер с англ. К. Богуцкий, В. Трилис, Киев 2000, с. 35.

тельность кожи – показатель избранности, обладания медиальными и колдовскими способностями, данными ценной боли и чрезмерной обостренности всех ощущений.

При этом тонкая кожа, как и сенсетивность, в культуре знак не только медиума, но также признак утонченности и принадлежности к аристократии. Другим значительным аспектом сенсетивности явилось представление о том, что у чувствительных людей «нет ощущения границ своего тела»²³. По наблюдению автора *Истории меланхолии* Карин Юханнисон, «человек чувствительный» был одновременно телесен и хрупок. [...] словно бы лишенный физической оболочки, обостренно воспринимающий мир...»²⁴. Данный факт показателен совмещением духовного, эмоционального и принципиально телесного, индикатором и одновременно покровом чего становится именно «кожа».

В рассматриваемом стихотворении эмблематика чувствительности сопряжена с миром людей «бесцеремонных в иных ситуациях». Данный смысловой пласт, противоречащий доминантам художественного мира М. Павича, становится проявлением рыжовской составляющей поэтического текста.

Интерпретация поэтессой образов перчаток и «толстого вязаного свитера» с учетом влияния особенностей ее авторского сознания, маркирована коннотациями рыцарской модели, созданной Средневековьем и кодами аристократического культурного универсума. Помимо широкого спектра значений «перчатки являются также и символом любви. Рыцари прикрепляли к шлему или щиту перчатку своей дамы сердца, чтобы она давала им силу в бою. [...] В XVI веке перчатки дарили в знак любви, как обручальное кольцо»²⁵. В семиотическом плане свитер «соединяет разные миры — ирландских рыбаков, французских рыцарей...»²⁶, олицетворяя новое воплощение рыцарской кольчуги.

Интерпретация поэтессой метафоры «чувствительная кожа», учитывая влияние особенностей ее авторского сознания, маркирована кодами иного культурного универсума. В данном контексте показательна система культурных представлений об аристократической чувствительности, балансирующей между утонченностью, духовностью и болезненным невротизмом. Эти аспекты смыслового потенциала сенсетивности, скрытые в подтексте стихотворения, связаны уже не с наследованием образов-метафор М. Павича, а непосредственно с дискурсом Е. Рыжовой.

Подводя итоги, следует отметить, что Е. Рыжова, вступая в диалог с сербским писателем и обыгрывая павический знаковый образ, модифицирует его истолкование через призму своего видения мира и доминант авторского сознания. Так парадоксально совмещается личная позиция и мировосприятие Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в двух возможных: дальнейшем изучении других проявлений литературных мистификаций

²³ К. Юханнисон, *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, пер. со швед. И. Матыциной, Москва 2011, с. 98.

²⁴ Там же, с. 100.

²⁵ Т. Ганн, *Библия моды*, пер. с англ. Т. Зотиной, Москва 2014, с. 272.

²⁶ Там же, с. 232.

в Интернет-пространстве или же анализе влияния on-line среды на развитие современной лирики и ее места в сетературе.

Литература

- Алексеева И.Ю., *Интернет и проблема субъекта*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 24–56.
- Галимска М., *Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак)*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2013, nr 3, с. 65–75.
- Ганн Т., *Библия моды*, пер. с англ. Т. Зотиной, Москва 2014.
- Микеладзе Н., *Пейзаж, нарисованный Павичем* [Электронный ресурс], <http://archive.taday.ru/text/224527.html>.
- Минц З.Г., *«Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма*, [в:] *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 327–338.
- Новоженина О.В., *Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации*, [в:] *Влияние Интернета на сознание и структуру знания*, отв. ред. В.М. Розин, Москва 2004, с. 195–215.
- Официальный сербский сайт Милорада Павича* [Электронный ресурс], <http://khazars.com>.
- Павич М., *Пейзаж, нарисованный чаем: роман кроссворд*, пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкая, Санкт-Петербург 2010.
- Павич М., *Хазарский словарь: роман-лексикон*, пер. с серб. Л. Савельева, Санкт-Петербург 2013.
- Попова И.Л., *Мистификация литературная*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 2001, с. 553–555.
- Пьеге-Гро Н., *Введение в теорию интертекстуальности*, пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова, Москва 2008.
- Рыжова Е., *Есть люди с особо чувствительной кожей...* [Электронный ресурс], http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38.
- Холл М.П., *Оккультная анатомия. Человек – великий символ Мистерий*, пер. с англ. Л.А. Маклаковой, А.П. Исаевой, Москва 2002.
- Элиаде М., *Шаманизм: архаические техники экстаза*, пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис, Киев 2000.
- Юханнисон К., *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, пер. со швед. И. Матыциной, Москва 2011.

Идентификация авторства в сетературе. К вопросу о диалоге дискурсов в рамках лирического текста

Резюме

В статье исследовательский поиск направлен на фиксацию показателей литературной мистификации в Интернет пространстве. Осмыслена роль средств Интернет в приписывании М. Павичу авторства стихотворения *Есть люди с особо чувствительной кожей...*, написанного Елены Рыжовой. Проанализированы интертекстуальные уровни вышеназванного поэтического текста. Прослежены процессы интерпретации семиотического потенциала чувствительности авторским сознанием каждого из поэтов. Данный подход позволяет осмыслить совмещение личной позиции и мировосприятия Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Ключевые слова: сетература, литературная мистификация, интертекстуальность, авторство, сенсетивность, «чувствительная кожа», М. Павич, Е. Рыжова.

Identification of Authorship in Electronic Literature.

To a Question of a Dialog of Discourses Within the Lyrical Text

Abstract

Relevance of a problem is caused by interest of literary thought in active functioning in the Web environment of modern literature. Study of a question is represented not full at the moment. In article research search is sent for consideration of literary mystification in the Internet space. There are various researches the studying dialogue of cybercultures and a modern literature. The purpose of this article is to reveal a new type of literary mystification on the example of the known poem thanks to activity of the Web network. It is defined how successfully on-line space for implementation of mystifications. The factors are comprehended good luck of literary mystification. The Internet obviously is suitable for literary mystifications. Popularity on the Internet was brought to the poem «There are People with Especially Sensitive Skin...» by the planned mystification. The success of mystification is caused by stylization codes in texts. The reasons to attribute are comprehended to Milorad Pavić authorship of the poem «There are People with Especially Sensitive Skin ...» by means of the Internet. Elena Ryzhova is author of the above-named poetic text. M. Pavić is author of an image metaphor «sensitive skin». Levels of intertextuality are analyzed of the above-named poem. Inclusion is analyzed of quotes in work by Elena Ryzhova. Dialogue is comprehended between two poets. This approach is to comprehend combination of a personal position E. Ryzhova with the point of view of M. Pavić.

Key words: electronic literature, literary mystification, intertextuality, authorship, sensitivity, «sensitive skin», M. Pavić, E. Ryzhova.

Светлана Фокина

кандидат филологических наук

доцент кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Svetlana Fokina

Candidate of philological sciences

The associate professor of the department of the world literature

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail:svetlana_fokina@ukr.net

+380974054990